

— Я немного боюсь боли, — Хуа Байхэ постаралась выдавить из себя улыбку.

Так что сначала нужно размять горло.

Цзян Яо огляделась по сторонам, а затем извлекла из-за пазухи изящный платок с вышитыми на нем цветами сливы. От ткани исходил легкий аромат благовоний. Она тихо вздохнула, и голос ее стал еще мягче:

— Зажми его зубами и потерпи.

Хуа Байхэ дрожащими руками приняла платок, но не спешила совать его в рот. Она крепко сжала челюсти и озадаченно спросила Систему в своей голове:

— Скажи, почему это Цзян Яо вдруг решила сделать мне татуировку?

Система порылась в базе данных и ответила:

— Возможно, твое падение в воду сегодня днем ее напугало. В этом мире татуировки изначально были клеймами для ссыльных преступников, но позже люди поверили, что в них заключена сила, способная отпугивать нечисть и приносить удачу.

Когда Система замолчала, она ожидала, что Хуа Байхэ растрогается заботой Цзян Яо, но та даже не шелохнулась.

И лишь когда первая игла Цзян Яо коснулась ее плеча, Хуа Байхэ снова подала голос, полный глубокой скорби:

— Она что, меня ненавидит?

Система: «?»

Хуа Байхэ:

— Цзян Яо сказала, что сегодня вечером тоже будет со мной заниматься, а сама решила использовать меня как подопытного кролика.

Она продолжила мысленно причитать:

— Если я теперь сниму одежду, а там: слева синий дракон, справа белый тигр, а посередине Микки Маус — как мне после этого людям в глаза смотреть?

Система представила эту разрушительную для разума картину и надолго замолчала:

— ...Береги себя.

...

В тихой комнате беззвучно догорали свечи. Из ажурной курильницы с причудливым узором струился тонкий дымок, и нежный аромат сливы постепенно пропитал каждый уголок пространства.

На темном деревянном столе лежала женщина, наполовину сбросившая одежду. Обнажив широкую полосу белоснежной кожи плеч и спины, она замерла, пока человек позади нее методично наносил на кожу тушевый рисунок.

Ритмичная боль, похожая на тысячи муравьиных укусов, то накатывала, то отступала. Хуа Байхэ расслабилась, решив, что в крайнем случае просто больше никогда не будет переодеваться при людях. Она смирилась с наличием уродливого рисунка на теле — в конце концов, она и так не красавица, разве она когда-то жаловалась? Приходится принимать всё как есть.

Ее веки тяжелели, и около четырех часов утра сон начал брать свое. Голова клевала, словно у дятла, и сквозь дрему она смутно слышала голос Цзян Яо:

— Может быть больно...

Хуа Байхэ не успела среагировать, как в следующее мгновение ее плечо обожгло острой болью. Она не сдержалась и издала стандартный вопль ужаса!

Сон как рукой сняло. От боли ей едва не сделалось дурно, и она чуть не свалилась со стола, но Цзян Яо вовремя подхватила ее за талию. Она склонилась над покрасневшим участком кожи и начала тихонько дуть, приговаривая:

— Не больно, не больно, умница...

В этот момент снаружи послышался шум. Хуаньси, вставшая ни свет ни заря, заметила, что свет в комнате не гас всю ночь, и постучала в дверь:

— Госпожа!

Цзян Яо разжала руки и позволила:

— Входи.

Войдя, Хуаньси сразу выпалила:

— Слышали? Император вчера облагодетельствовал одну из претенденток, а сегодня утром повысил ее в ранге, сразу до пинь!

На полуслове она осеклась, широко открытыми глазами уставившись на спину Хуа Байхэ.

— Госпожа, это...?!

Она смотрела на Хуа Байхэ с выражением шока и зависти, но та лишь закрыла лицо руками, желая провалиться сквозь землю.

— Чему ты так удивляешься? Император — владыка Поднебесной, и если кто-то смог угодить ему, то это лишь ее счастье, — Цзян Яо отложила иглу. Из-за бессонной ночи ее голос звучал лениво.

Она бросила взгляд на Хуа Байхэ, которая все еще морщилась от боли, словно это не она только что обнимала и успокаивала ее, и равнодушно добавила:

— Иди отдохни, только смотри, не мочи плечо в ближайшие дни.

Затем она повернулась к Хуаньси, позволяя той помочь ей переодеться и умыться, и попутно приказала достать из кладовой украшения и отправить их в качестве награды той самой претендентке.

— Как ее зовут? — спросила Цзян Яо.

— Шэнь Цинъюй... кажется, так. Ах да, это та самая, которую Цинцзя вчера спасла! — продолжала Хуаньси. — Император проходил мимо дворца Чусю, услышал, что упавшая в воду девушка — младшая дочь помощника военного министра, и сам не понял, как свернул туда. Говорят, ее вечно все сторонились, а она, оказывается, та еще лисица — только попала во дворец и уже...

Хуа Байхэ: «...Что же делать, кажется, я спасла кого-то очень опасного».

Система тут же выдала картинку с кирпичом: [Я же говорила тебе не лезть в неприятности.jpg]

— Довольно, — холодно прервала Хуаньси Цзян Яо. На ее лице не читалось ни гнева, ни радости, она казалась совершенно безразличной.

Ее взгляд переместился на Хуа Байхэ, которая уже поправила одежду и собиралась тихонько выскользнуть из комнаты. Цзян Яо бросила ей вслед:

— Пятьсот раз, не забудь.

Хуа Байхэ: «...» Она что, не забыла?!

Хуа Байхэ:

— Слушаюсь, госпожа.

...

Размышляя о том, как Шэнь Цинъюй умудрилась так быстро очаровать Императора, она шла по коридору. Проходя мимо туалетного столика, она замедлила шаг.

Поколебавшись, Хуа Байхэ подошла к зеркалу, повернулась к нему спиной и медленно приоткрыла одежду.

На ее правом плече, сзади, красовались две маленькие золотые рыбки — черная и белая. Они плыли навстречу друг другу, образуя круг. Полупрозрачные, словно написанные тушью вуалехвосты были прорисованы с невероятным изяществом, их плавники, мягко расправляясь, казались живыми — казалось, они в любой момент могут выпрыгнуть с этой белоснежной кожи.

Даже едва заметные косточки в плавниках были прорисованы с удивительной точностью.

Хуа Байхэ долго смотрела в зеркало и вдруг выдала:

— Скажи, а императрица не тайно ли влюблена в меня все эти годы?

Система: «...Ты не думаешь о том, что спасла соперницу, зато витаешь в облаках?»

Хуа Байхэ трогательно прошептала:

— Она набила мне карпов кои!

— Откуда она знала, что я никогда в жизни не выигрывала в лотереях?!

...

Хуа Байхэ разминала ноющую от бесконечного переписывания запястье, глядя на прописи, данные ей Цзян Яо. Каждый изящный иероглиф, написанный мелким почерком кайшу, напоминал нежный цветок бегонии.

Она полюбовалась красивым почерком и подумала, что Цзян Яо действительно похожа на эти иероглифы — такая же красивая и мягкая, только...

— Мне кажется, или она скрывает в себе черты интриганки? — пробормотала Хуа Байхэ.

Система проигнорировала ее ворчание, оставив Хуа Байхэ в одиночестве. Ей ничего не оставалось, как взять стопку своих «жизнеутверждающих» текстов и отправиться с повинной к Цзян Яо.

Не успела она войти в покои, как услышала смех.

Хуа Байхэ, прижимая к груди рисовую бумагу, перешагнула порог. Шэнь Цинъюй, сидевшая внутри, как раз обернулась и, отложив платок от губ, расплылась в ослепительной улыбке:

— Это ведь служанка Цинцзя? Наконец-то я вижу вас! В тот день я неосторожно упала в воду в Императорском саду, и мне сказали, что вы, не жалея себя, бросились меня спасать. Я с тех пор все искала случая поблагодарить вас лично. Только что как раз спрашивала о вас у императрицы. Как ваше самочувствие за эти два дня?

Хуа Байхэ дернула уголком рта и поклонилась:

— Госпожа Цин-пинь, со мной все в порядке, благодарю за беспокойство.

— А что до благодарности, то я не заслуживаю ее. Это была лишь реакция на экстренную ситуацию, госпоже не стоит утруждаться.

Она не хотела снова вспоминать тот позорный день — в конце концов, человека не спасла, сама в воду прыгнула, всю ночь терпела иглы Цзян Яо, да еще и переписывала тексты несколько дней. Это спасение обошлось ей слишком дорого.

Но Шэнь Цинъюй не собиралась отступать. В своем персиково-розовом наряде она выглядела еще свежее, чем бутон цветка, и, сближаясь, ее лицо стало еще более нежным:

— Хотя я во дворце всего несколько дней, но знаю, что здесь мало кто готов протянуть руку помощи в беде. Цинъюй навсегда запомнит доброту служанки Цинцзя и восхищается императрицей, у которой есть такая добрая помощница.

Она похвалила обеих одним махом. Цзян Яо поставила чашку с чаем, ее взгляд смягчился, и

она негромко сказала:

— Она действует слишком опрометчиво. Если ты будешь ее так хвалить, она совсем нос задерет.

Хуа Байхэ отложила свою «домашнюю работу» в сторону и сама взялась за работу Хуаньси, прислуживая обеим дамам. Она не вмешивалась в их разговор, словно речь шла не о ней.

Только...

Ее взгляд то и дело сканировал прогресс симпатии над головой Цзян Яо.

По сравнению с пятью процентами после инцидента с «желтыми книжками», сейчас показатель дошел до двадцати. И она была совершенно уверена, что пропустила лишь момент их первой встречи.

Как это произошло?

Она была озадачена, но продолжала прилежно прислуживать дамам еще четверть часа, пока Шэнь Цинъюй не засобиравалась уходить.

Хотя Цзян Яо не стала ее удерживать, она все тем же мягким голосом посоветовала:

— Не обязательно приходить с утренними и вечерними поклонами каждый день. Император — почтительный сын. Если будет время, сходи к вдовствующей императрице, развежь ее скуку.

Шэнь Цинъюй выразила благодарность за совет:

— Наложница запомнит, благодарю госпожу за наставление.

Она снова улыбнулась Хуа Байхэ и, опираясь на руку служанки, вышла. Как только ее фигура скрылась за углом, лицо Хуаньси тут же вытянулось:

— Зачем госпожа дает ей советы? Она лишь пару дней была интересна Императору, а теперь, когда он два дня подряд приходил к ней, она испугалась и прибежала к вам за помощью. Зачем вам...

Цзян Яо, держа в одной руке чашку, другой приоткрыла фарфоровую крышечку и слегка отогнала плавающую на поверхности пенку. Даже не подняв глаз, она неторопливо ответила:

— Ты думаешь, Император приходил к нам во дворец Чанлэ, потому что она ему надоела?

Поток жалоб Хуаньси был прерван, она запнулась и лишь потом ответила:

— Конечно! Император держит вас в сердце, поэтому каждый день думает о дворце Чанлэ, даже дары из Лянгуана приказал сначала принести вам на выбор!

Цзян Яо спокойно выслушала ее, затем вдруг подняла глаза и посмотрела на Хуа Байхэ, застывшую столбом рядом, и спросила:

— А ты, Цинцзя, ты тоже так думаешь?

Хуа Байхэ вспомнила, что Шэнь Цинъюй все эти два дня докладывала в управлении, что «нездоровая». Она знала ответ, но на лице изобразила недоумение и с самым невинным видом ответила:

— Неважно, по какой причине, я знаю лишь то, что Император больше всего любит приходить во дворец Чанлэ, где вы, госпожа, и этого достаточно.

Цзян Яо смотрела на нее несколько секунд, потом вдруг изогнула губы в улыбке.

И тогда Хуа Байхэ увидела, как прогресс над ее головой медленно сдвинулся еще на два деления.

До 22.

Она прошептала Системе:

— Цзян Яо осознала любовь Императора к ней? Поэтому стала любить его еще больше? А то, что она видела Шэнь Цинъюй во дворце Чанлэ, это, наверное, из-за... сестринских чувств?

— Любовь трудящихся в древности поистине велика, — вздохнула она.

Однако Система в этот раз не радовалась прогрессу задания, как обычно. Почему-то ей казалось, что здесь что-то не так.

Хуаньси, увидев реакцию своей госпожи, решила, что ответила неправильно, раз госпожа переспросила Цинцзя. Она, ничего не понимая, осторожно спросила:

— Госпожа, я и Цинцзя сказали что-то не то?

Цзян Яо с улыбкой покачала головой и терпеливо пояснила:

— Когда сегодня приходила наложница Цзин, ты видела хоть каплю болезни на ее лице?

— Эти два дня она притворялась больной. Сейчас во дворце только она одна пользуется благосклонностью, и если Император не идет к ней, он, естественно, приходит во дворец Чанлэ...

Сказав это, она перевела взгляд на Хуа Байхэ:

— Раз у нее есть такое желание, я, естественно, не могу ее обидеть, верно, Цинцзя?

Хуа Байхэ чувствовала, что в ее словах есть подтекст, но сколько ни ломала голову, не могла понять второй смысл. Она неуверенно ответила:

— Верно...

Она спросила Систему:

— Цзян Яо хочет меня отблагодарить?

Система: «Возможно?»

Хуа Байхэ смутилась:

— Слишком вежливо с ее стороны. Как я теперь смогу спокойно мечтать о ней в глубине души?

...

Вскоре Хуа Байхэ выбросила эти мысли из головы. В конце концов, пока прогресс задания идет, ей этого достаточно.

К тому же был еще один неожиданный бонус — Шэнь Цинъюй, даже став пинь, не собиралась соперничать с Цзян Яо. Напротив, после того случая она то и дело уговаривала Императора навеститься во дворец Чанлэ. Говорят, Император иногда даже огорчился из-за слишком дружелюбной атмосферы между женами в гареме.

Только...

Хуа Байхэ, ощущая вес граната из Западного края, который ей только что сунула Шэнь Цинъюй, сокрушенно сказала Системе:

— Эта Шэнь Цинъюй так сильно отличается от благородной супруги Цзя! Я думала, что ее слова о благодарности за спасение — просто шутка.

Она не ожидала, что с того дня, если Шэнь Цинъюй встречала ее по пути, она либо просила своих слуг помочь ей, либо, не заботясь о статусе госпожи и служанки, болтала с ней, направляясь во дворец Чанлэ, либо иногда дарила ей лакомства, пожалованные Императором.

— Хотя зерна у этого фрукта выплевывать муторно, зато он очень сладкий. Я знаю, что императрица всегда хорошо к вам относится, но все же хочу угостить тебя от себя, — Шэнь Цинъюй смотрела на нее горящим взглядом и улыбалась.

Хуа Байхэ, как обычно, была вежлива:

— Благодарю госпожу за заботу, но у нас разный статус, это все же нехорошо...

Шэнь Цинъюй прервала ее:

— Я никогда не считала тебя служанкой. С того дня, как ты спасла меня, ты для меня — спасительница.

Хуа Байхэ долго отнекивалась, прежде чем принять подарок. Глядя, как та уходит на поклон к императрице, она потрогала себя за подбородок:

— А Шэнь Цинъюй довольно милая.

Она подумала, что такими случайными действиями, возможно, действительно сможет помочь Цзян Яо прийти к финалу «сестринской дружбы» в династии Да-Юн.

Она с радостью вернулась в свою комнату с гранатом в руках, но случайно столкнулась с Хуаньси, которая в этот момент не прислуживала императрице. Увидев блеск в ее глазах, Хуа Байхэ поняла: дело плохо!

Не успела она убежать, как Хуаньси нагнала ее:

— Давай еще разок, Цинцзя!

— Нет, ни за что! Ты вчера говорила, что это в последний раз! А в итоге полчаса держала меня на кровати! Почему ты не прислуживаешь госпоже?

Хуаньси подбежала к ней, не заметив, как двусмысленно звучит ее тон:

— Пока госпожа снаружи любит луну, я попросила Цуйнун прислуживать! Быстрее!

В конце концов, Хуа Байхэ не смогла противостоять силе Хуаньси. Та снова повалила ее на кровать и приготовилась раздевать, чтобы полюбоваться татуировкой, которую императрица лично нанесла ей на спину.

Хуа Байхэ со слезами на глазах сказала:

— Хуаньси, это твое «давай подпитаемся удачей» уже переходит все границы...

Хуаньси хотела спросить, что она имеет в виду, но услышала кашель у двери.

Она резко обернулась и тут же в испуге вскочила.

В дверях стояла Цзян Яо, а рядом с ней Шэнь Цинъюй, которая пришла пригласить ее полюбоваться луной в Императорском саду, так как сегодня было пятнадцатое число.

Улыбка на лице Цзян Яо заметно померкла. Хуаньси в ужасе упала на колени:

— Госпожа, мы просто баловались...

Шэнь Цинъюй с улыбкой сгладила углы, похвалив живость служанки рядом с Цзян Яо. Ее взгляд скользнул по коже плеча Хуа Байхэ, где смутно виднелся след туши.

Она не удержалась и добавила:

— Мастерство госпожи, должно быть, очень красиво смотрится на Цинцзя?

Хуаньси яростно закивала.

Цзян Яо услышала это, и ее взгляд похолодел. Она не ответила на вопрос, а вместо этого с улыбкой заговорила о другом:

— Разве младшая сестра не приглашала меня любоваться луной? Пойдемте во дворец Чусю.

...

Два часа спустя.

Вернувшись из дворца Чусю, Цзян Яо снова вызвала Хуа Байхэ в свои покои.

Едва войдя, она услышала вопрос Цзян Яо:

— Гранат был сладким?

Хуа Байхэ ничего не поняла. Не успела она среагировать, как Цзян Яо, сидя перед туалетным столиком, медленно сняла напальчник с мизинца и произнесла:

— Ты помнишь, чья ты служанка?

Хуа Байхэ тут же решила, что ее симпатия к Шэнь Цинъюй выглядит как предательство, и упала на колени, клянясь в верности:

— Госпожа, у меня и в мыслях ничего такого не было...

Цзян Яо прервала ее:

— Ты еще не ответила на мой вопрос.

Хуа Байхэ:

— Я служанка дворца Чанлэ, и в смерти, и в жизни.

Цзян Яо положила руку на ее правое плечо, точно на то место, где была татуировка, и, повысив голос, сказала:

— Не дворца Чанлэ. Моя.

Не дожидаясь, пока Хуа Байхэ повторит, она сказала:

— Похоже, ты запомнила недостаточно хорошо.

— Тогда в этот раз...

Она смотрела на коленопреклоненную фигуру, на эту позу полной покорности. Ее пальцы слегка сдвинулись, коснувшись родинки на плече Хуа Байхэ, и она неторопливо произнесла:

— Перепиши тысячу раз «Цинцзя — служанка Цзян Яо».

Хуа Байхэ: «...???»

Ты что, дьявол во плоти?!

Система услышала ее мысли и пробормотала:

— Не знаю, дьявол она или нет... но мне кажется, что этот прогресс развития сюжета мне подозрительно знаком.

<http://bllate.org/book/22171/2309618>